

Сунь Синлань почему-то знал, где живет Сунь Цзинь, почему-то смог открыть входную дверь и почему-то решил явиться сюда именно сегодня ночью — всё это уже не имело никакого значения.

Важно было лишь то, что сейчас он сковал запястья Сунь Цзиня наручниками.

Стоило тяжелой руке на затылке ослабить хватку, как Сунь Цзинь тут же развернулся и, вскинув еще свободную левую руку, ударил кулаком в лицо Сунь Синланя.

Тусклый, едва заметный лунный свет, пробивавшийся сквозь тьму, озарял лишь половину лица Сунь Синланя. Тот перехватил кулак Сунь Цзиня, а другой рукой с силой дернул за наручники, заставив того глухо вскрикнуть от боли, и окончательно сомкнул браслеты на его запястьях.

— Сунь Синлань! — прохрипел Сунь Цзинь, когда тот уселся верхом на него, прижимая к кровати. — Что ты творишь?!

Сунь Цзинь ни на секунду не сомневался, что сегодня Сунь Синлань готов убить его.

Сунь Синлань, опираясь руками о кровать по обе стороны от головы Сунь Цзиня, медленно склонился вниз. Сунь Цзинь попытался упереться скованными руками в его плечи, но чем ближе становился запах алкоголя, тем сильнее становилось животное чувство тревоги, пронзающее всё его тело.

Он услышал, как Сунь Синлань произнес набор цифр. Сунь Цзинь осознал, что это автомобильный номер.

— Что? — Сунь Цзинь широко раскрыл глаза, отчаянно пытаясь разглядеть лицо противника, но видел лишь смутный контур да пряди волос, которые шевелились от потока воздуха из вентилятора.

— Твой коллега тебе не рассказал, что его чуть не сбила машина? — проговорил Сунь Синлань, зависнув прямо над ним.

И тогда рана на локте Тан Миня и его слова о том, что на него чуть не наехала машина, сложились в одну картину.

Сунь Цзинь даже боялся об этом подумать; он и представить не мог, что это происшествие как-то связано с Сунь Синланем.

— Ты больной, Сунь Синлань! — наконец опомнившись, закричал он, дрожа от ярости. — Ладно ты сходишь с ума рядом со мной, но он-то тут при чем?!

Сколько бы злобы и неприязни ни питал к нему Сунь Синлань, Сунь Цзинь, хоть и не желал этого терпеть, отчасти мог понять причины. Но он совершенно не понимал, зачем втягивать в это постороннего человека. Ни в поведении, ни в делах Тан Миня не было ничего, что могло бы хоть как-то касаться Сунь Синланя. Какой в этом смысл? Если бы с Тан Минем что-то случилось, Сунь Цзинь даже не мог представить последствий.

— Разве вы не в отличных отношениях? — Сунь Синлань сжал горло Сунь Цзиня и прошептал ему в лицо: — Если с ним что-то случится, ты, небось, и жить перестанешь? Посмотри на себя, он всего лишь упал, а ты уже так разволновался.

Сунь Цзинь не понимал, откуда у Сунь Синлани взялись подобные мысли. Казалось, их сознание никогда не работало на одной волне: на вещи они смотрели с совершенно разных полюсов, диаметрально противоположно.

— Потому что я не такой, как ты. Я не стану донимать невинных людей, — ответил Сунь Цзинь.
— Сунь Синлань, тебе самому не противно?

— Не противно. Как я и сказал, я не такой, как ты. Ты гомосексуал, а я нет, — отрезал Сунь Синлань, еще сильнее сжимая его горло, и в голосе его прорезалась жестокость. — У него есть девушка, ему не нужен такой, как ты. Хватит быть таким жалким, перестань терять стыд, как только увидишь мужчину.

Сунь Цзиню потребовалось несколько секунд, чтобы понять, кого именно Сунь Синлань назвал этим «ним».

Он всегда считал Тан Миня просто другом, но, по мнению Сунь Синлани, любой мужчина в поле зрения Сунь Цзиня был объектом его вожделения.

Безумец, просто законченный безумец.

— Сунь Синлань... — Сунь Цзинь внезапно провалился в пучину безысходности, из которой невозможно выбраться. Это было похоже на огромный водоворот: как бы он ни оправдывался, как бы ни пытался доказать свою невиновность, всё было бесполезно. — Оставь меня в покое...
— Он смотрел на едва различимый силуэт перед собой и с трудом выговорил, задыхаясь от нехватки воздуха: — Я уеду далеко-далеко, хорошо?

Сунь Синлань не ответил. Он слегка приподнял руки Сунь Цзиня, прижав их к изголовью кровати, а другой рукой полез под подол тонкой футболки, прижимая прохладную ладонь к худощавому животу.

Хотя горло уже никто не сдавливал, в ту же секунду Сунь Цзинь ощутил удушье, от которого потемнело в глазах. Он застыл, слегка приоткрыв рот, словно парализованный, не в силах произнести ни слова; его дыхание стало почти неощутимым.

Только когда пальцы Сунь Синлани коснулись груди, Сунь Цзинь очнулся. Его голос сорвался, превратившись в хриплый, дрожащий шепот:

— Что ты... делаешь?

— А как ты думаешь? — вопросом на вопрос ответил Сунь Синлань.

С этими словами он перевернул Сунь Цзиня на живот, задрал футболку и пальцами потянул за край брюк.

Только в этот момент Сунь Цзинь осознал, что всё, что было до этого, — пустяки.

Оскорбления, ненависть, месть и даже тот грубый поцелуй — всё это еще можно было счесть способом выхода ярости и наказанием. Сунь Цзинь не хотел вспоминать об этом и отчаянно пытался избежать повторения, но он не мог даже представить близости с Сунь Синланем.

Да уж лучше умереть. Ведь Сунь Синлань — его родной младший брат!

— Сунь Синлань! — Сунь Цзинь прижался щекой к подушке, беспомощно вырываясь из-под чужого веса. Он дрожал. — Я твой брат!

— Именно потому, что ты мой родной брат, я тебя и трахаю, — Сунь Синлань, прижимаясь всем телом к его спине, опустил голову к самому уху Сунь Цзиня. — Или нет?

— Умоляю... — сердце Сунь Цзиня готово было разорваться. Он не смел думать о том, что произойдет в следующую секунду, и, совершенно сломленный, взмолился: — Сунь Синлань, я прошу тебя, не надо. Я обещаю, что больше никогда не покажусь тебе на глаза... Умоляю...

— Не плачь, — в голосе Сунь Синлани сквозила злая насмешка. — Брат, разве не здорово стать моим подарком на совершеннолетие? Не бойся, в этот раз я не буду тебя разрывать.

Вспомнив тот подарок на день рождения, который когда-то был разорван в клочья, и слова Сунь Синлани: «Меня тошнит от тебя настолько, что хочется стереть тебя в порошок», Сунь Цзинь наконец понял, что всё это значило.

Некоторые желания отомстить имели под собой почву с самого начала, просто Сунь Цзинь недооценил степень порочности Сунь Синлани.

Это слово «брат», услышанное спустя десять с лишним лет, стало словно острый клинок, разрезающий все остатки здравого смысла и морали. Острие упиралось в самое сердце, толкая его в бездну.

Когда пальцы Сунь Синлани проникли внутрь, Сунь Цзиню показалось, что внутри него что-то треснуло. Осколки вонзились в него, погребая под собой без остатка.

Сунь Цзинь лежал, уткнувшись в подушку, полуприкрыв глаза, и с ужасом смотрел на бледный лунный свет за окном. Его запястья уже кровоточили, запах железа смешался с холодным металлическим ароматом наручников.

Он предпочел бы, чтобы Сунь Синлань его убил.

Из-за естественного сопротивления и скованности тела, не знавший близости проход оставался сухим. Сунь Синлань цыкнул, одной рукой прижал поясницу Сунь Цзиня, а другой достал из кармана презерватив, зубами разорвал упаковку и, надев его, снова попытался войти,

используя лубрикант.

Холодный латекс жестко вошел внутрь. Сунь Синлань не стал тратить время на прелюдию — сделав несколько движений пальцами, он тут же извлек их, заменив на горячую плоть.

Сунь Цзинь думал, что надежда уже потеряна, но когда его тело пронзило ощущение инородного предмета, волна стыда и осознания греховности накрыла его с головой. Он попытался приподняться на локтях, чтобы отползти, но Сунь Синлань намертво вцепился в его талию, пригвозждая к месту.

— Умоляю... — плакал Сунь Цзинь. — Сунь Синлань, не надо... прошу...

Он редко плакал, но сейчас, в безвыходной ситуации, слезы текли так же безвозвратно, как и его гордость — то небольшое, что он отчаянно пытался сохранить.

Его мольбы никогда не работали. Сунь Синлань плотно прижался к его спине и с силой вошел в него.

Темнота перед глазами словно разорвалась, явив кроваво-красную пелену. Сунь Цзинь резко запрокинул голову, беззвучно открывая рот в немом крике, слезы катились по щекам и впитывались в подушку.

Все кончено. Всё пропало.

Сунь Синлань не дал ему ни секунды на передышку и, войдя до конца, принялся неистово двигаться. Сунь Цзиню казалось, что внутри него раскаленное железо. Каждое движение причиняло жгучую, невыносимую боль, от которой он не мог даже издать ни звука — только впивался пальцами в простыни, едва не разрывая ткань.

Старая кровать скрипела в тишине ночи, вторя его стонам. Спина Сунь Цзиня была влажной от пота — по большей части от нестерпимой боли, — а гладкие лопатки в темноте отливали холодным белым блеском.

Было слишком больно. Настолько, что даже отчаяние и ненависть отступили на второй план, оставив лишь желание взмолиться о капле жалости.

Но Сунь Цзинь, стиснув зубы, молчал. Он позволял слезам течь по лицу, не издавая ни всхлипа, не то что просьбы о пощаде.

Однако Сунь Синлань слишком хорошо знал болевые точки Сунь Цзиня. Он продолжал жестко вбиваться в него, прикусывая плечо, и спрашивал:

— Каково это — быть траханным родным братом? Сунь Цзинь, ты сам слышишь, как ты звучишь? Твоя мать ведь в комнате этажом ниже, верно?

Сунь Цзинь никак не ожидал, что в такой момент он вспомнит о матери. Эти слова, подобно

потоку воды весом в тысячи тонн, легко сокрушили казавшуюся прочной плотину, доводя все эмоции до предела и тут же смывая их в пучину.

И именно в этот миг плоть Сунь Синланя задела некую точку внутри, и ужасающее наслаждение молнией пронеслось по позвоночнику, переплетаясь с онемевшей болью, врезаясь в самую память.

Это было похоже на то, как если бы ты знал, что мак ядовит, но был вынужден вдохнуть его аромат, а затем наблюдать, как подчиняешься иллюзии, осознанно тонешь, проигрывая своим животным инстинктам.

Зрение в темноте отказало, обостряя остальные чувства. Всё ощущалось в разы сильнее: словно он провалился в бурлящий горячий поток, где удовольствие и боль, стоны и прерывистое дыхание, пот и слезы, обида и стыд — всё смешалось в водоворот, из которого не было выхода.

Сунь Цзинь наконец прикусил губу и разразился сдавленным, надрывным всхлипом. Сквозь слезы, с каждым движением Сунь Синланя, он издавал звуки, полные нескрываемого унижения и подавленного страдания.

Именно такие звуки сильнее всего разжигали похоть. Сунь Цзинь почувствовал, как Сунь Синлань прибавил темп, но спустя несколько толчков внезапно остановился и извлек свое естество.

Он снова перевернул его, подхватил длинные ноги Сунь Цзиня, закинув их себе на плечи, и вошел лицом к лицу. Несмотря на то что в темноте они не могли видеть глаз друг друга, Сунь Цзинь всё равно закрыл лицо руками. Наручники звякнули — еще один знак унижения.

Сунь Синлань двигался всё тяжелее. У Сунь Цзиня от рыданий сжималось сердце, он жадно хватал ртом воздух, пытаясь расширить грудную клетку, чтобы хоть немного облегчить боль.

Сунь Синлань подался вперед, складывая тело Сунь Цзиня пополам, прижимая его еще сильнее, и, продолжая свои действия, спросил:

— Брат, когда тебя трахают другие, ты тоже так стонешь?

— Убирайся... — прохрипел Сунь Цзинь в нос, заливаясь слезами, губы его дрожали. — Сунь Синлань... я убью тебя...

— Почему? — Сунь Синлань, тяжело дыша, намеренно спросил его: — Тебе не нравится со мной?

Сунь Цзинь плотно закрыл лицо ладонями. Как бы он хотел, чтобы это был лишь кошмар. Чтобы он открыл глаза и всё оказалось ложью, чтобы он мог жить своей обычной жизнью, как и все прошлые дни.

Или чтобы просто умереть. Лишь бы не сталкиваться с этой реальностью.

Темное небо начало светлеть — приближался рассвет.

Сквозь пальцы Сунь Цзинь медленно разглядел того, кто был сверху: равнодушное, невероятно красивое лицо. Оно было похоже на его собственное, но этот человек был рожден, чтобы создавать кошмары.

Сквозь дрожащий полумрак Сунь Цзинь встретился взглядом с Сунь Синланем. Глаза того были черными, и даже в его желании сквозила ледяная стужа.

Последний, самый сильный толчок — и Сунь Цзинь, разрываемый между яростной физической стимуляцией и тяжелым взглядом Сунь Синлани, почувствовал, как воздух окончательно покинул легкие. Голова пошла кругом, сознание померкло, и он наконец лишился чувств.

<http://bllate.org/book/22345/2341091>